

М. Н. Барышников¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ, ИНТЕРЕСЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Институциональные изменения выступают как результат взаимодействия групп интересов, способных преодолеть ограничения ценностно-ориентированных механизмов социальной идентификации. Соответственно общественный прогресс заключается в переходе к более эффективным способам реализации интересов людей, институционально закрепляемых на уровне внутри- и межгруппового сотрудничества. Иначе говоря, прогресс объективно связан с постоянно увеличивающейся численностью групп (подгрупп) интересов, формирующих качественно новое пространство для межкультурного диалога. С течением времени их количество достигает величины, не соответствующей содержанию, объемам и границам (хозяйственным, социальным и политическим) используемых ресурсов, которые могли бы удовлетворять потребностям этих сообществ. В результате возникает соответствующий для данной исторической эпохи кризис ресурсного спроса и предложения, разрешение которого связано с обретением нового качества институционального, технологического и организационного обеспечения баланса внутри- и межгрупповых интересов. Можно утверждать, что в соотношении с имеющимся объемом и структурой ресурсов (природных, физиологических, интеллектуальных, технологических, финансовых и пр.) не может быть однозначно «своих» или «чужих» ценностных доминант, есть ассоциированные и в этом смысле публично отстаиваемые интересы, перспективность которых выражается в готовности индивидов к открытому, то есть сопровождающемуся свободным обращением материальных и духовных ценностей, взаимодействию. Достижимый в этом случае консенсус позволяет обеспечить новые институциональные возможности для гуманизации экономической и общественно-политической жизни.

Одна из основных проблем современности заключается в том, что количество групп интересов закономерно возрастает, но действовать им приходится с учетом сохраняющихся хозяйственных, социокультурных и политических границ. И если в сфере экономики интернационализация предпочтений происходит сравнительно быстро, то в других областях общественной жизни ситуация с барьерами складывается крайне неблагоприятно. Современная ситуация в мире наглядно об этом свидетельствует. В исторической перспективе государственная, национальная, конфессиональ-

ная и семейная идентичность обречены на обесценивание, если институционально не будут согласованы с альтернативными им порядками индивидуального и группового самовыражения. В целом, прогресс общества обусловлен постоянно растущей численностью групп интересов, способных поддерживать порядок конкурентного доступа к ресурсам за счет открытой, обезличенной координации своих устремлений и в соответствии с потребностями экономического развития в его глобальном выражении. В конечном счете следует признать, что «высокий доход и развитые политические институты тесно связаны»².

Важнейший фактор, обуславливающий различия между странами и регионами в хозяйственных показателях, — это наличие сбалансированных интересов, определяющих направленность взаимодействия людей друг с другом и доступными ресурсами. Институты экономической свободы (прежде всего регуляторы, обеспечивающие неприкосновенность личной жизни человека и его собственности), поддерживаемые государством как нейтральным по своему характеру гарантом соблюдения правопорядка и социальных обязательств, являются, безусловно, ключевым звеном в обеспечении такого баланса и складывающихся на его основе гражданских и политических свобод. Доминирование традиционных норм³ человеческого общения, прежде всего в их социокультурной иерархии, не только не способствует созданию национально-специфической формулы модернизации, но в значительной мере определяет замкнутость, элитарность, оторванность от интересов разнообразных общественных групп и в конечном счете эгоистический (оппортунистический) характер возможной реформаторской деятельности. Апелляция к культурной самобытности (привычному) не имеет ничего общего с желанием стабильности и предсказуемости, поскольку последнее несет в себе поиск новых ценностных ориентиров, стремление использовать различные социокультурные ресурсы, способные обеспечить сбалансированное, комфортное взаимодействие разнообразных (и постоянно возрастающих по численности) групп интересов.

Ценностные доминанты, утверждающиеся в культурной жизни в виде привычек⁴, не только влияют на формирование ментальных стереотипов в обычном поведении индивидов, но и оказывают решительное

² Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 42.

³ В неформальных институтах следует различать межгрупповые традиции и формирующие их групповые нормы (правила) поведения. Первые — безусловны, вторые — условны (как подвижная совокупность конкретных индивидуальных интересов). Исторический опыт свидетельствует о том, что изменение традиционных ценностей начинается с ревизии предпочтений тех или иных общественных групп, сопровождающейся ограничениями и последующей трансформацией межгрупповых социокультурных (ментальных) приоритетов.

⁴ По мнению Ф. Фукуямы, «культура есть унаследованный этический навык или привычка» (Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 66).

¹ Заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор 157 научных публикаций, в т. ч.: «Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты», «Компания Нобелей: баланс интересов и эффективность функционирования», «Акционерные компании в России в начале XX века: баланс интересов и институциональные ограничения (теоретические аспекты проблемы)», «Институты, групповые интересы и развитие экономики» (в соавт.), «Бизнес в диалоге культур: экономическая необходимость и культурные доминанты», «Бизнес в историческом измерении: эффективность и социокультурные предпочтения» и др.

воздействие на характер групповых отношений в сфере производства и распределения общественных благ, со всеми присущими им последствиями для экономического и социального развития в целом. Отрицать подобное влияние невозможно уже потому, что последствия духовных исканий, обретавших крайнюю идеологизированность и политическую нетерпимость в XX веке, наглядно проявились в России в своем антибуржуазном содержании. Естественно, в данном случае речь не идет об отрицании общекультурных ценностей как таковых, имея в виду их безусловное значение для становления современных основ человеческой цивилизации. Закрепленные в гражданских свободах, они принципиальны с точки зрения соблюдения людьми конституционных норм, включая верховенство закона и равные права для всех, невзирая на пол, возраст, семейные предпочтения, расовую и религиозную принадлежность. С хозяйственной точки зрения культура — инструмент саморегулирования поведения людей, что означает ее способность снизить (или повысить) издержки обеспечения определенных правил игры, но не инициировать экономический рост как таковой. В целом вопрос ставится о современном месте и роли культуры — в ее материальном и духовном выражении, как совокупности институтов, призванных оказывать стимулирующее воздействие на хозяйственную активность людей независимо от их социальной или политической принадлежности.

Материальные интересы людей по своей сути не могут быть статичны (в отличие от конкретного социокультурного института, который фиксирует их соотношение в конкретный период времени) в условиях, когда существует конкуренция за ресурсы — природные, финансовые, интеллектуальные и пр. В средневековую эпоху ограниченный рамками государственного и этноконфессионального контроля потенциал такой конкуренции объяснял крайний консерватизм общественной жизни. Как отмечал Ф. Бродель, культура почти всегда являлась «защитницей существующего порядка»¹. Однако в Новое время рост соперничества за ресурсы, сопровождавшийся ослаблением властных и социокультурных (в том числе семейных) доминант поведения людей, постепенным стиранием национальных и религиозных границ в межгрупповом сотрудничестве, вызвал инновационные изменения в хозяйственном и, как следствие, общественно-политическом облике западноевропейских стран. Интерес к деньгам стал восприниматься как «постоянство, упрямство и каждодневное тождество людей по отношению друг к другу»². Переход к ассоциированным (безличным), самоуправляемым, открытым для представительства разнообразных индивидуальных предпочтений формам деловой активности, находившим отражение в тех или иных организационных структурах фирм (в первую очередь акционерных компаний), стал переломным событием в исторической трансформации западной экономики. Стимулы хозяйственной активности приобрели каче-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Весь мир, 2007. Т. 3: Время мира. С. 694.

² Хиршман А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012. С. 93.

ственно новое содержание, имея в основе разделение культурных и гуманитарных, привычных и инновационных потребностей функционирования человеческого общества. Данное обстоятельство объясняет исторические достижения США и современные экономические успехи ряда стран третьего мира, оказавшихся способными преодолеть социокультурные границы хозяйственной деятельности ради обретения более совершенных инструментов организационного и научно-технологического развития.

Историческое утверждение капитализма свидетельствовало о глубоких сдвигах инновационного характера, сопровождавшихся размыванием прежнего, оформленного властными, церковными и семейными институтами пространства человеческой деятельности и распространением публичных, ассоциированных форм хозяйственного поведения индивидов. В данном отношении вряд ли корректным будет говорить о «справедливости» капиталистической системы (в том числе и в вопросе о социальном или имущественном неравенстве) и соответствии ее принципов интересам общества в целом. Речь идет о том, как соотносятся эти принципы с интересами отдельных общественных групп, то есть насколько предпочтения последних согласованы на уровне государственном с децентрализацией, общественном — с самоуправлением, хозяйственном — с интеграцией, и насколько этот баланс обеспечивает эффективное функционирование капитализма как глобальной социально-экономической системы. Такой подход тем более важен, если учесть, что современная рыночная экономика выступает как совокупность межгрупповых (то есть организационных) и в этом смысле безличных отношений. Противопоставление последним конкретной этнической или профессиональной идентичности оборачивается культурной замкнутостью и в конечном счете — нарастанием консервативных тенденций в общественной жизни. Институциональные ограничения (как на правовом, так и неформальном уровне) социокультурных предпочтений позволяют выйти за рамки устоявшихся национальных и религиозных отношений и тем самым раскрепостить инновационный потенциал хозяйственного поведения человека. Современные проблемы капитализма проистекают не столько из умаления культурной составляющей, сколько из попыток сдержать рост гуманитарных потребностей, сохранить приоритет тех или иных национальных, в том числе в их государственном и культурном выражении, ценностей. С другой стороны, кризисные явления в мировой экономике свидетельствуют о размывании существующих социокультурных общностей, появлении на их основе все новых групп интересов при одновременном и закономерном усилении конкурентной борьбы за ресурсы и дифференциации уровня благосостояния. При таких обстоятельствах обновление ценностных ориентиров, прежде всего за счет их институциональной реструктуризации (в том числе в сфере научно-технологического и образовательного взаимодействия), может обеспечить сбалансированный экономический рост и, как следствие, равноправное взаимодействие культур, освобожденных от диктата бедности и беспорядка.

Исторический опыт подтверждает приоритет экономических потребностей над социокультурными в процессе осуществления модернизационных проектов в странах, находящихся в переходной, социально нестабильной внутренней ситуации или обладающих поликультурным (прежде всего в этноконфессиональном плане) характером общественного устройства. Для многонациональной России, не завершившей путь капиталистической трансформации, поиск «передовых» социокультурных моделей развития с исторической неизбежностью приводил к идейно-политическому «расколу», хозяйственному распаду и утверждению авторитарных форм правления. Реформаторские усилия по определению не могут иметь в основе абстрактные — «смысловые» — ценности, доминирующие в привычных социокультурных границах окружающей человека действительности. Прежде всего новые хозяйственные возможности, позволяющие преодолеть государственные и этноконфессиональные формы зависимости от мифологизированной реальности, дают возможность активизировать индивидуальную и групповую энергию преобразовательной деятельности, в том числе в сфере культурной жизни. На кризисные вызовы должен последовать адекватный гуманитарный ответ, который следует сформулировать и реализовать в соответствии с меняющимися потребностями и интересами креативных (сочетающих инициативную деятель-

ность и независимое, новаторское мышление) групп, проявляющих себя на стыке значимых для общественного прогресса областей — бизнеса, науки и образования. На этой основе возможно построение более совершенных ценностных механизмов культурного взаимообогащения, не испытывающих давления со стороны консервативных элементов институциональной среды и способных в исторически обозримой перспективе обеспечить на межгрупповом уровне необходимые стимулы и, как следствие, результативность коллективного творческого поиска. Подчеркнем, что инновационное развитие экономики означает прежде всего рост группового благосостояния, который сопровождается усиливающейся информационной открытостью, самостоятельностью суждений и поступков, нетрадиционными направлениями интеллектуальной деятельности, активным объединением единомышленников, все новыми профессиональными успехами и возрастающим материальным благополучием. Групповая консолидация приобретает характер исторической закономерности, влияя на складывание межгрупповых интересов тем сильнее, чем эффективнее будут действовать стимулы в отношении преодоления устоявшихся социокультурных предпочтений. Отметим (перефразируя Л. Н. Толстого), что в этой ситуации все счастливые группы становятся похожи друг на друга, а каждая несчастливая группа остается несчастливой по-своему.